

5.7.7. – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 304.9+111.83

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.1.126-134>

**Эстетическая компонента революции
в контексте эстетики истории**

Савельева А.Б.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Автор статьи ставит вопрос об эстетическом содержании реального исторического процесса. В статье история рассматривается как драматическое пространство развития человека, как локус и топос проявления его творческих способностей, как процесс, который может быть исследован и описан в категориях классической эстетики. По мнению автора, эстетическими характеристиками обладает сам объективный ход истории, что позволяет использовать понятия и категории эстетики при изучении исторических событий. Источником эстетической наполненности исторического события выступает творческий характер человеческой деятельности вообще, революционный порыв, героический энтузиазм и творческие потенции массовых народных движений. В качестве события, в котором концентрируется эстетическая компонента исторического действия, представлен феномен социальной революции. Глобальные революционные социальные сдвиги современности во многом осуществляются за счет самоотверженных шагов и вдохновенного социального творчества народных движений, участники которых, сознают они это или нет, заняты практическим, нередко героическим, преобразованием несовершенного мира и сотворением нового, более совершенного, гармоничность которого раскрывается как конструктивная разрешаемость противоречий.

Ключевые слова: революция, история, эстетика, эстетика истории, эстетика революции.

Для цитирования: Савельева А. Б. Эстетическая компонента революции в контексте эстетики истории. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2024;1(64):126–134.

**The aesthetic component of the revolution
in the context of the aesthetics of history**

Savelyeva A.B.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The author of the article raises the question of the aesthetic content of the real historical process. The article examines history as a dramatic space of human development, as a locus and topos of the manifestation of his creative abilities, as a process that can be studied and described in the categories

of classical aesthetics. According to the author, the objective course of history itself has aesthetic characteristics, which makes it possible to use the concepts and categories of aesthetics in the study of historical events. The source of the aesthetic fullness of a historical event is the creative nature of human activity in general, the revolutionary impulse, heroic enthusiasm and creative potential of mass popular movements. The phenomenon of social revolution is presented as an event in which the aesthetic component of historical action is concentrated. The global revolutionary social shifts of our time are largely achieved through the selfless steps and inspired social creativity of popular movements, whose participants, whether they realize it or not, are engaged in practical, often heroic, transformation of an imperfect world and the creation of a new, more perfect one, the harmony of which is revealed as constructive solvability contradictions.

Keywords: revolution, history, aesthetics, aesthetics of history, aesthetics of revolution.

For citation: Savelyeva A. B. The aesthetic component of the revolution in the context of the aesthetics of history. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(1 (64)):126–134. (In Russ.)

Человек в его истории – традиционная постановка проблемы взаимосвязи, роли и места личности в истории. Вспомним известное высказывание Маркса и Энгельса из работы «Святое семейство»: «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает всё это, всем обладает и за всё борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [1, с. 102]. Такая постановка проблемы акцентирует весьма нетривиальный ее аспект: это вопрос о том, как представлена история в человеке, в его жизни и деятельности. Именно с такой позиции становится очевидным, что история является неотъемлемой стороной человеческой жизни несмотря на то, что, по мысли Ф. Ницше, зачастую у человека возникает ощущение, что ему нет места в самой этой истории. История – не только обращение к прошлому, но и настоящее человека, необходимая составляющая его сущности, его бытие. В этом смысле вся история является

творением человека и человечества, а это значит, что она не может быть лишена эстетической наполненности, как всё, созданное и создаваемое человеком. Уже по этой простой причине история может мыслиться, в том числе, при помощи категорий эстетики. Актуальность такого подхода обусловлена характером современной эпохи, которая может быть определена как эпоха глобальных революционных сдвигов и меняющегося мира.

Мыслить историю можно в двух аспектах. Первое значение – история, которая существует реально, «как совокупность свершившихся событий и фактов, как прошлое каким оно было, как история реально существовавших людей (лат. *Historia Res gesta*)» [2, с. 240]. Второе определение истории, конечно, связано с историей как наукой (лат. *Historia rerum gestarum*), т.е. теоретическим осмыслением прошлого, где одна из главных ролей в интерпретации фактов и событий принадлежит историку. Проблема, в таком случае, состоит в следующем: мы не можем иметь представлений о реальной истории без опоры на исторический дискурс, но история как наука в основе своей имеет реальную историю.

Г. В. Ф. Гегель писал: «Об истории нельзя рассуждать серьёзно, не обладая эстетическим чувством» [3, с. 212]. Действительно, можем ли мы отделить эстетическое начало от самой истории и от дискурса истории? В большей степени в данной статье нас будет интересовать ответ на первый вопрос, поскольку второй вопрос решается в зависимости от решения первого.

Естественно, любое историческое событие может быть описано при помощи базовых эстетических категорий: «прекрасное», «безобразное», «трагическое», «комическое», «возвышенное», «низменное». Например, можно вспомнить знаменитую историю времен Марафонского сражения, когда юноша, пробежавший сорок километров и принесший благую весть о победе в Афины, скончался на месте. Смерть этого гонца, не убитого на поле сражения, не может не быть трагичной, но не только: эта смерть *возвышает* все произошедшее и сама обретает статус возвышенного, высокого события, преодолевая обыденное представление о смерти как о чем-то мучительном и страшном. Как нам видится, подобные описания истории не случайны. Исторический процесс уже содержит в себе некоторые эстетические принципы, сообразно с которыми и осуществляется историческое событие. Неслучайно можно обнаружить устоявшиеся языковые формы, такие, например, как «красивая победа» / «трагическое поражение». Ведь в прямом смысле победа не может быть оценена в категориях «прекрасное / безобразное». Мы можем говорить о человеческих потерях, экономических фиаско или приобретениях, но говорить о красоте того или иного исторического события или факта весьма удивительно. Тем не менее, описание исторических реалий через призму эстетического можно встретить довольно часто. Может ли уже это закрепление эстетики в языке и дискурсе свидетельствовать о неко-

тором эстетическом наполнении реального события? Или подобное «приписывание» свойственно лишь уже более позднему процессу осмысления истории? Несомненно, описание будет иметь некоторые подобные элементы, т.к. любой историк не лишен художественного, эстетического взгляда на жизнь. Возникает вопрос, что является причиной, а что следствием: история эстетизируется, потому что она может быть описана, в том числе, при помощи эстетических категорий и понятий? Или она эстетична сама по себе, и поэтому историк способен, схватив эту эстетичность, попытаться описать историческое событие в том числе при помощи категорий эстетики?

Ф. Энгельс в письме К. Марксу писал: «Мировая история – величайшая поэтесса, она сумела пародировать самого Гейне» [4, с. 43]. С этим сложно не согласиться, поэзия истории состоит уже в том, что история движется по некоторому принципу, очень напоминающему принцип драматического произведения. Исторические личности являются в роли персонажей, которые оказываются неспособными реализовать задуманное или становятся жертвами собственных амбиций и обстоятельств. Например, в письме Марксу Энгельс указывает на неумолимость истории, буквально повторяющей действие, разворачивающееся в произведении Г. Гейне «Гренадеры».

«Да что мне? Просить Христа ради
Пушу и детей и жену...
Иная на сердце забота:

В плену император, в плену!» [5, с. 47] – восклицает один из героев стихотворения. Вслед за Гейне героя пародирует Энгельс. Сам жанр пародии, о котором пишет Энгельс, имеет художественную природу: он относится к категориальному ряду комического.

Формы, в которых развиваются исторические события, тоже имеют эстетический характер. Позволим себе процитировать К. Маркса: «Гегель где-

то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [6, с. 119]. По мнению Ф. Ницше, трагедия и вовсе коротка и переходит в вечную комедию бытия [7, с. 32]. Не случайно Бальзак назвал целый цикл своих произведений, явно касающихся историко-социальной проблематики, – Человеческой комедией. В. В. Розанов в работе «Эстетическое понимание истории» на примере Древней Греции пишет о том, что сама ее история не была лишена эстетического содержания и формы, что историческое развитие греческого мира происходило по эстетическим принципам, в основе которых всегда находилась идея красоты (в противоположность Риму с идеей пользы): «Греции нельзя было пасть, как Риму или еще кому-нибудь, в грязи, в бездарности, в отвратительном худосочи: после гениальной жизни ей нужно было гениально и умереть. И как торжественно-ясная греческая трилогия заканчивалась искушающим смехом заключительной комедии, – так и Греция после неясного детства, которое она пережила в мифах, после героической юности, когда она боролась с "великим царем", после зрелого плодоношения в век Перикла, окончилась и страшно, и вместе как-то светло в этом чудном походе в Сицилию, в странной ночной оргии с разбитыми статуями, и во всех, то жалостных, то гениально-забавных перипетиях афино-спартанской распри, с чудным Алкивиадом в центре. Все в ней поразительно, но вовсе не заставляет отвращать от себя глаз, как заставляет это делать отвратительный трупный запах, который мы ощущаем, напр., в Риме еще задолго до его смерти. Ничего, на всем протяжении греческой истории, мы не находим ни отталкивающего, ни бездарного, ни утомительно-скучного; все исполнено жизни и движения,

и как вовремя приходит, так и уходит своевременно» [8].

Исторический процесс может быть рассмотрен также с точки зрения понятия «ирония», которое, хоть и не напрямую, но связано с областью эстетического опять же в версии комического. Именно благодаря «иронии истории» происходит усиление осознания и переживания происходящего. Например, именно иронией истории можно объяснить несовпадение целей и результатов задуманного, чего, по мнению Энгельса, не удалось избежать практически никому из значимых политических деятелей. Иногда результат прямо противоположен поставленной цели, иногда замыслы деятеля реализуются «с точностью до наоборот». Происходящее выходит из-под контроля самих акторов, идеи деятелей извращаются. Принцип иронии в сфере истории идей наиболее ярко проявляется при трансформации одной идеи в другую, при переходе от одного замысла к другому. Иронически улавливается тот неосуществившийся качественный переход/скачок, который должен был произойти, но произошел в некоторой «травмированной», извращенной форме. Так, например, просвещенческая идея прирожденных прав человека в массовом обществе выродилась в либеральный лозунг человека-массы: имею право на все блага цивилизации и – шире – на всё просто по факту рождения человеком.

Можно сказать, что ирония становится формой высвобождения тех мыслей и чувств, которые сопровождают историческое событие, поэтому ирония может иметь терапевтический эффект: она позволяет хотя бы как-то принять формы, ставшие действительностью. Не имея возможности противостоять происходящему активным действием, иронизирующий человек может проявить свое несогласие с установившимся порядком. За маской иронии может скрываться ранимость,

боль, неприятие наличной действительности. За иронической улыбкой или усмешкой следует осознание того, на что были направлены стрелы иронии, встают вопросы изменения или уничтожения ее объекта.

Некоторые события истории не случайно описываются в категориях театроведения: в истории действуют «персонажи», «экономические маски». Театральность в истории предстает не как некая искусственность, манерность или неестественность. Напротив, историческое событие уже само себе может иметь некоторые черты сходства с театральным представлением: в нем действуют главные герои и второстепенные персонажи, есть сцена исторических событий, на которой разыгрывается драма истории. По аналогии с театральной пьесой историческое событие имеет некоторую завязку, развитие, кульминацию, развязку. «Театральная» терминология совсем не случайно применяется при описании многих социальных и исторических феноменов: нам хорошо знакомы такие понятия как «театр военных действий», «исторический персонаж», «историческая сцена», «экономические и социальные маски», «проза жизни» и т.п.

Историческое событие, как уже говорилось, может не только определяться в понятиях, но и переживаться, в том числе, в некоторых образах. Именно поэтому история становится одним из главных источников вдохновения для создания произведений искусства. Искусство способно отразить те области, которые практически невозможно выразить в понятии. Говоря языком Альтюссера, сущность искусства состоит в том, чтобы «давать видеть», «давать воспринимать», «давать чувствовать» – давать нам нечто, что *намекает* на реальность» [9, с. 49–50]. Художественное осмысление исторического события в любом случае несет в себе элемент поэтизации и – шире – эстетизации,

что позволяет этому событию раскрыться в образах, которые улавливает или создает художник.

В «Истоке художественного творения» М. Хайдеггер рассматривал искусство и эстетику как возможность увидеть то, что до определённого момента скрыто от глаз человека. Истина бытия полагает себя в художественном творении. Произведение искусства даёт возможность увидеть подлинное бытие той или иной вещи. Можно предположить, что искусство способно пролить «свет» и на сущностные характеристики исторического события, в том числе, революции.

«Зачастую и новый факт, и новая идея открываются раньше художнику, чем учёному», – пишет А.В. Гулыга [10, с. 127]. Действительно, наука не всегда может полностью «схватить» суть происходящего потому, что для анализа ей необходимо отдалиться от предмета изучения. Художник же пытается отобразить именно полноту, целостность картины, как бы помещая себя в эпицентр события. В то время, как наука анализирует и прогнозирует, искусство в художественных образах демонстрирует сущность события и характеры героев. Несомненно, многое зависит от личности художника, который может задать определенный вектор понимания и оценки, но помимо позиций и взгляда одного мастера всегда есть возможность увидеть нечто противоположное благодаря взглядам другого творца или творцов. Мы можем количественно измерить все жертвы и потери, составив отчет о проделанных шагах и действиях, а можем увидеть, например, портрет или фотографию матери погибшего. Несомненно, эмоциональный эффект от произведения искусства будет ярче, чем от аналитического отчета. Более того, именно произведение искусства способно уловить некоторую целостность события и в этой целостности представить его значимость для участников и потомков.

Н. А. Бердяев в своей работе «Смысл творчества» писал: «Сама природа есть произведение искусства, и красота в ней есть творчество» [11, с. 309]. Аналогично, на наш взгляд, «устроена» и история. Человек, по мысли Бердяева, всегда рассматривается в двух аспектах: во-первых, «человек – одно из явлений этого мира, одна из вещей в природном круговороте вещей» [11, с. 67], во-вторых, «человек выходит из этого мира как образ и подобие абсолютного бытия и превышает все вещи порядка природы» [11, с. 67]. Сама природа человека раздваивается: будучи частью мира, он одновременно не принадлежит миру, превосходит его и, можно сказать, пересоздает мир заново. Более того, человек находит в себе силы и желание восстать против природы, как пишет Бердяев. Само существование человека может быть свидетельством разрыва в природном мире, т.к. человек *не вмещается в нем* [11, с. 68]. Если человек, тем не менее, является частью природы, то можно сказать, что он дважды оказывается в пространстве красоты. Он есть существо сотворенное (не важно, Богом, природой, культурой) – оттого прекрасное, а также он – творящее существо, подобное Богу, наделенное силой и творческой мощью, стремящееся выстроить мир по принципу прекрасного. Начинается этот процесс творчества человека (можно сказать, и человечества) с собственно существования, т.е. с истории. Тогда сама история есть произведение искусства, и красота в ней есть творчество. При таком понимании история обладает потенциалом прекрасного уже потому, что в ней присутствует творческий акт, творческое усилие. Творение истории, таким образом, происходит по некоторым эстетическим законам, где творящий, так или иначе, соотносит собственное произведение с «мерой красоты». История может пониматься при таком подходе как эстетичная сама по себе постольку, поскольку яв-

ляется результатом и процессом некоего перманентного творческого акта. «В красоте нужно жить, чтобы узнать её» [11, с. 305] – пишет Бердяев. Возможно, цель человеческой жизни состоит в том числе и в том, чтобы находить элементы прекрасного во всем вокруг себя, узнавать это прекрасное в прошлом и настоящем. Можно сказать, что история вообще и революция в частности соотносят себя с этим понятием красоты, т.к. по своей природе красота онтологична, является великой тайной и целью жизни [11, с. 305]. Человек находится в вечном поиске красоты во всех её формах и проявлениях, осознавая собственную неудовлетворённость уродством жизни. Невозможность дальше жить в этом уродстве [11, с. 304-305], заставляет человека прилагать усилия для его преодоления. Само желание человека преобразовать мир своими мыслями и действиями становится проявлением творческого начала, которое, по мысли Бердяева, имеет божественную природу. История, при таком понимании, – бесконечный непрекращающийся творческий акт, а точнее, процесс, история становится произведением искусства, которое творится руками человека.

Всё, что связано с человеком или обществом, так или иначе, может рассматриваться с точки зрения эстетики. В конечном счёте, деятельность, а в пределе и вся жизнь человека строится «также и по законам красоты» [12, с. 94], даже если сам человек этого не осознаёт.

Если мы принимаем мысль о том, что история – это результат и порождение деятельности людей, то мы должны принимать и тот факт, что данная деятельность может происходить не только с какой-либо утилитарной, но и с эстетической целью (создание нового прекрасного и совершенного, преодоление старого и уродливого). Например, в статье «Марксизм и восстание» В. И. Ленин писал: «...отка-

заться от отношения к восстанию, как к *искусству*, значит изменить марксизму и революции» [13, с. 24]. Подобное отношение, конечно, подразумевает высокую степень ответственности за происходящее, но и указывает на стремление осуществить изменения, в том числе, красиво, бескровно. Эстетические категории (прекрасное / безобразное, возвышенное / низменное, комическое / трагическое) не просто описывают ход истории, жизнь человека и общества. Сама история движется по этим эстетическим законам – законам драматического произведения, которое включает в себя как трагические, так и комические события. Эстетика – не только инструмент, при помощи которого история познает себя, эстетика – это внутренний принцип развития истории. История эстетична и в силу этого постигаема эстетикой. Не является исключением и такой социально значимый момент исторического развития, каким является феномен революции. Революция как явление истории обладает собственной эстетикой, своими эстетическими характеристиками, более того, эстетическое начало человеческой деятельности концентрируется в революционных действиях людей. Революция рождает героев, бескорыстные мужественные поступки людей, нравственный подъем масс. Начинается социальное творчество, когда массовое движение само порождает собственные формы. Ярким примером этого может послужить создание в ходе Октябрьской революции советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Достаточно вспомнить работу В.И. Ленина «Великий почин», посвященную коммунистическим субботникам, которые, кстати, тоже изобрели сами революционные рабочие, чтобы почувствовать уровень творческого энтузиазма, высоту нравственного подъема, с которыми рабочие делали свою революцию. Огромное количество людей в революционные перио-

ды чувствует в себе душевный творческий подъем, переживает неповторимое ощущение возможности своими силами уничтожить уродство старого мира и создать «светлое будущее», «прекрасное далёко», создать новый мир, в котором «кто был ничем, тот станет всем». Не случайно о революции говорят, что это праздник угнетенных, но в еще большей мере это праздник исторического творчества масс. В итоге революционизируется и само искусство, а на этой почве возникает и новая эстетика.

Революция не просто может быть описана эстетическими категориями и представлена в разных видах искусства (живопись, музыка, театр, литература), но она сама в себе несёт элементы эстетического движения и развития. Революционные процессы и события, равно как и идея революции, несут в себе эстетическое содержание (преобразования несовершенного мира и сотворения нового, как надеются участники революции, более совершенного, гармоничного, прекрасного) и имеют собственное эстетическое оформление, что и позволяет говорить о них при помощи категорий эстетики. Иными словами, революция (и идея революции) эстетична не потому, что можно ее описать при помощи основных законов эстетики и её категорий, а потому, что сама революция как часть истории концентрирует в себе эстетическое начало человеческой преобразующей мир деятельности. Революционные процессы, идущие в современном мире, концентрируют в себе эстетическое начало человеческой деятельности, что является катализатором современной истории в целом. В результате революционных сдвигов, происходящих в обществе, революционизируется не только экономика и политическая жизнь, но и само искусство, а на этой почве возникает и новая эстетика, в свою очередь, совершенствующая жизнь и облик современного человека.

Список литературы / References

1. Маркс К. Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 2. – М.: Издательство политической литературы, 1955.652 с.
- Marx K. Engels F. The Holy Family or Criticism of Critical Criticism / Marx K. and Engels F. Works. 2-nd ed. Т. 2. – М.: Publishing House of Political Literature, 1955.652 p. (In Russ.)
2. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. – М.: Этерна, 2012.752 с.
- Comte-Sponville A. Philosophical Dictionary. – М.: Eterna, 2012.752 p. (In Russ.)
3. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1970.668 с.
- Hegel G.V.F. Works of different years. In two volumes. Т. 1. – М.: Mysl, 1970.668 p. (In Russ.)
4. Маркс К, Энгельс Ф. Письмо Ф. Энгельса К. Марксу / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 33. – М.: Издательство политической литературы, 1964.788 с.
- Marx K., Engels F. Letter from F. Engels to K. Marx / Marx K. and Engels F. Works. 2-nd ed. Т. 33. – М.: Publishing House of Political Literature, 1964.788 p. (In Russ.)
5. Гейне Г. Стихотворения. Поэма. Проза. / Переводы с немецкого. – М.: Издательство «Художественная литература», 1971.832 с.
- Heine G. Poems. Poem. Prose. / Translations from German. – М.: Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1971.832 p. (In Russ.)
6. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 8. – М.: Издательство политической литературы, 1957.705 с.
- Marx K. Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte / Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. Т. 8. – М.: Publishing House of Political Literature, 1957.705 p. (In Russ.)
7. Ницше Ф. Веселая наука. – СПб.: Азбука, 2023.352 с.
- Nietzsche F. Fun Science. – St. Petersburg: Azbuka, 2023.352 p. (In Russ.)
8. Розанов В. В. Эстетическое понимание истории. – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_esteticheskoe_ponimanie.html (дата обращения: 20.02.2024) – Текст электронный.
- Rozanov V.V. Aesthetic understanding of history. [Electronic resource] – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_esteticheskoe_ponimanie.html (date of access: 02.20.2024) (In Russ.)
9. Альтюссер Л. Об искусстве. – М.: V-A-C press, Artguide Editions, 2019.112 с.
- Althusser L. On Art. – М.: V-A-C press, Artguide Editions, 2019. – 112 p. (In Russ.)
10. Гулыга А. В. Эстетика истории. – М.: Издательство «Наука», 1974.127 с.
- Gulyga A. V. Aesthetics of History. – Moscow: Nauka Publishing House, 1974.127 p. (In Russ.)
11. Бердяев Н. А. Смысл творчества. – М.: Издательство АСТ, 2018. 416 с.
- Berdyayev N. A. The meaning of creativity. – Moscow: AST Publishing House, 2018.416 p. (In Russ.)
12. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1974.535 с.
- Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844 / Marx K, Engels F. Works. 2-nd ed. Т. 42. – М.: Publishing House of Political Literature, 1974.535 p. (In Russ.)
13. Ленин В. И. Марксизм и восстание / Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 34. – М.: Издательство политической литературы, 1977.585 с.
- Lenin V.I. Marxism and uprising / Complete works. Fifth edition. Volume 34. – М.: Publishing House of Political Literature, 1977.585 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Савельева Александра Борисовна, аспирант, ассистент, Казанский (При-волжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. ORCID ID0009-0009-5006-9691, e-mail: alexandrasavelye@mail.ru

Information about author

Savelyeva Alexandra Borisovna, Postgraduate, Assistant, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. ORCID ID0009-0009-5006-9691, e-mail: alexandrasavelye@mail.ru

Поступила в редакцию 13.03.2024; принята к публикации 19.03.2024
Received 13.03.2024; Accepted 19.03.2024